

С. Фокин

Достоевский во французском флере

DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_377

Niqueux M. Dictionnaire Dostoïevski.

P.: Institut d'études slaves, 2021. — 320 p. — (Collection «Clefs pour...»).

Появление во Франции словаря «Достоевский», подготовленного к двухсотлетию русского писателя единоличными стараниями выдающегося французского слависта, почетного профессора Университета Кан-Нормандия Мишеля Никё, представляется знаменательным событием в нескольких отношениях. Во-первых, это триумф самого ученого-энциклопедиста, которого, к счастью, не нужно представлять филологам-специалистам по русской литературе XIX—XX вв., отлично знакомым с трудами неутомимого исследователя, посвященными Гоголю, Пушкину, В.В. Крестовскому, А.К. Толстому, Горькому, Куприну, Блоку, Есенину и другим авторам. Вдумчивый и взыскательный переводчик классических и неклассических текстов русской словесности, среди которых «Арап Петра Великого» Пушкина, «Исповедь» Горького, «Конь бледный» Савинкова, «Железная женщина» Берберовой и другие, которые вышли в свет на французском языке с обстоятельными научными комментариями, Никё известен также магистральными историко-литературными трудами по проблемам российской идентичности, национальности, религиозности. Среди новейших трудов — книга «Виды России на Запад: антология русской мысли от Карамзина до Путина» (2017)¹. И вот — в юбилейном году Достоевского — появляется словарь «Достоевский».

В 118 статьях, составивших словарь, обстоятельно представлено актуальное состояние исследований по Достоевскому во Франции, от классических работ Ж. Мадюля или П. Паскаля, Р. Жирара или Д. Арбан, Л. Аллена или Ж. Катто, Ж.-Л. Бакеса или М. Кадо, Ж. Нива или А. Безансона до новейших публикаций молодых французских славистов, например В. Фейбуа или Н. Од. Однако если кто-то подумает, что словарь «Достоевский» построен исключительно на французских исследовательских публикациях, то, чтобы предупредить такого рода заблуждение, необходимо с самого начала указать на поистине энциклопедические притязания этой работы, где помимо трудов французских ученых активно задействованы исследования российских, американских, итальянских и немецких специалистов, включая новейшие публикации в серийных изданиях «Достоевский. Материалы и исследования», «Dostoyevsky Studies» и «Deutsche Dostojevskij-Gesellschaft». Не будет большого преувеличения, если мы скажем, что несмотря на довольно скромный объем словарь «Достоевский» представляет собой *актуальную сумму* достижений новейшего достоевсковедения, которая, отнюдь не претендуя на подробное обобщение науки о Достоевском за последние сто лет, заключает в себе настоящую кладовую эффективного культурно-научного инструментария, которая может быть полезна как для молодого французского универсанта, стоящего на пороге мира

1 См.: Фокин С. Виды России на Запад: задом наперед (Рец. на кн.: L'occident vu de Russie: Anthologie de la pensée russe de Karamzine à Poutine. P., 2017) // Новое литературное обозрение. 2019. № 158. С. 378—383.

Достоевского, так и для опытного литературоведа, способного оценить поистине титанический труд профессора Никё.

В плане композиции словарь «Достоевский» характеризуется классицистской стройностью или даже строгостью. Среди 118 статей около 20 посвящено наиболее значительным сочинениям русского писателя, начиная от «Бедных людей» и заканчивая «Братьями Карамазовыми», хотя в этом корпусе привлекают внимание рубрики «Петербургские повести», к которым отнесены «Петербургские сновидения в стихах и прозе» и ряд текстов из «Дневника писателя», и «Юмористические повести», где, в частности, рассматриваются такие тексты, как объявление к альманаху «Зубоскал», «Роман в девяти письмах», «Чужая жена и муж под кроватью» и целый ряд других текстов с преобладающим комическим элементом. Приблизительно столько же статей отведено авторам, с которыми сам Достоевский связывал свое литературное воспитание (Бальзак, Гоголь, Гюго, Жорж Санд, Пушкин, Фурье...) или которые включали русского писателя в свой персональный пантеон (Жид, Камю, Кафка, Клодель, Ницше, Мальро, Шестов...). Примерно такое же количество статей направлено на истолкование классических понятий поэтики, эстетики и этики Достоевского, включая такие темы, как «Библия», «Бог», «Винновность», «Дьявол», «Евреи», «Европа», «Женщина», «Зло», «Игра», «Католицизм» и т.п.; к ним примыкают статьи о ближайшем окружении писателя: «Родители Достоевского», «Марья Дмитриевна Исаева», «Сулова», «Анна Григорьевна Сниткина», «Ковалевская», «Победоносцев», «Толстой», «Тургенев» и т.п. Встречаются в словаре и менее классические для исследований о Достоевском персоналии и темы: маркиз де Сад и Ленин, «Бестиарий» и «Питание», «Закат» и «Мечта о жизни втроем». Даже этот далеко не полный перечень словарных статей дает наглядное представление об изобретательности критического мышления, отличающей работу профессора Никё, и об определенном рода французском флере, которым подернуты научные построения авторитетного литературоведа.

Французский флер в этой ситуации означает не столько пелену или покров, что-то скрывающий, сколько особую семантическую ауру, которая порождается критической работой над объектами научной рефлексии, восходящими к определенной национальной культуре — в данном случае к русской классической литературе, — но попадающими в поле зрения иной научной традиции, отличающейся как принципами критического рассуждения, так и культурной экстерриториальностью. Можно сказать, наверное, что французский флер есть не что иное, как наглядное выражение процедуры остранения, очужестранивания, которой по необходимости подвергаются национальные культурные объекты, попадающие под прицел инокультурной научной традиции. Таким образом, если не приходится сомневаться, что в отношении таких тематических блоков или текстов, как «Двойник», «Деньги», «Идиот», «Нигилизм», «Подполье» и др., в российском литературоведении существуют те или иные формы научного консенсуса, что и фиксируется, например, в различных энциклопедических компендиумах², то французский флер, которым они подернуты в работах ученых Франции, интересен, с нашей точки зрения, не столько как декоративный или экзотический элемент, сколько как форма иной семантической ауры, иной семантической констелляции, в свете которой обычное, привычное, родное приобретает такой вид, что может обернуться «бес-

2 См.: Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / Сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев. Челябинск: Металл, 1997; *Наседкин Н.Н.* Достоевский: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003; Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008; *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский: энциклопедия. М.: Просвещение, 2010.

покойной чужестранностью», если прибегнуть к буквальному переводу французского выражения, использованного для описательного переложения понятия З. Фрейда *das Unheimlich*, в котором русские переводчики увидели скорее «жуткое» или «зловещее»³.

Вместе с тем сама форма словаря заключает в себе своеобразный интеллектуальный вызов, с которым приходится сообразоваться научному сообществу. Разумеется, трудно расценить опыт создания такого рода словаря как своего рода литературоведческую провокацию в духе на шумевшей в узких кругах теоретической фикции профессора П. Байара «Загадка Толстоевский» (2017)⁴. Тем не менее можно полагать, что цеховое сознание иных интерпретаторов творческого наследия русского писателя, ревниво отстаивающих как дух, так и букву текста, воспринимаемого как национальная святыня, будет если и не возмущено, то задето некоторыми пассажами энциклопедического начинания профессора Никё, к тому же замахнувшегося на то, чтобы объять необъятное. Проблема не в том, что в российской науке о Достоевском не хватает словарей: такого рода издания существуют; как правило, они создаются либо литературными подвижниками, сделавшими изучение наследия русского писателя делом всей жизни, либо научными коллективами, включающими в себя профессионалов высокого класса, которые, разумеется, не позволят ни себе, ни коллегам сказать лишнего или, по крайней мере, чего-то такого, что шло бы вразрез с общепринятыми, апробированными представлениями научного сообщества. Однако именно в этой априорной установке на абсолютную достоверность научного знания заключается один из фундаментальных парадоксов любого энциклопедического начинания, которое как бы от природы чревато риском вырождения или превращения в лексикографического монстра, фигуру которого обессмертил Гюстав Флобер в «Словаре прописных истин».

Возвращаясь к словарю профессора Никё, напомним, что литературная Франция отличается своего рода манией словарей, которые, как правило, выступают своего рода «защитой и прославлением» существующего порядка слов и вещей, порождая вместе с тем альтернативные словарные начинания, каковые оспаривают универсалистские притязания официальной науки. Начиная с первого издания «Словаря Французской академии», который задним числом удостоверял, что политический заказ кардинала Ришелье на создание инструмента по нормализации французского языка выполнен, этот спор лексикографов, наряду со «спором о древних и новых», составляет своеобразный культурный топос литературной Франции: как известно, в пику затянувшемуся начинанию по созданию «Словаря Французской академии» литератор Антуан Фюретьер, перешедший в лексикографическую оппозицию, выпустил свой «Универсальный словарь» в вольнолюбивой Гааге.

Словарь профессора Никё счастливо избегает этого внутреннего конфликта между двумя тенденциями во французской лексикографии; вот почему, вполне сохраняя верность лучшим традициям жанра академических словарей, посвященных

3 *Freud S. L'inquiétante étrangeté / Trad. par V. Féron // Freud S. L'inquiétante étrangeté et autres essais. P.: Gallimard, 1985; Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер. с нем. под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. М.: Республика, 1995. С. 265–281.*

4 См.: *Фокин С. «Загадка Толстоевский», или Не следует ли наконец подумать о смиренной рубашке для изобретателя теоретических фикций? (Рец. на кн.: Bayard P. L'Énigme Tolstoïevski. P., 2017) // Новое литературное обозрение. 2019. № 157. С. 333–338.*

французскими учеными отдельным писателям (замечательные словари Бодлера, Селина, Камю, Мальро, Пруста, Флобера и т.п.), в нем, возможно, помимо воли автора воспроизводится в то же время та альтернативная, более свободная лексикографическая тенденция, которая, например, сказалась в «Критическом словаре» Жоржа Батая или в «Кратком словаре сюрреализма» Андре Бретона и Поля Элюара. Подчеркну еще раз: менее всего профессор Никё хотел бы выступить возмутителем литературоведческого спокойствия России; менее всего, наверное, ему хотелось бы, чтобы его научное начинание связывалось с мистификацией Байара или сюрреалистическими лексикографическими провокациями в духе «Критического словаря» Жоржа Батая. Тем не менее следует признать, что вызов брошен, хотя бы уже в силу того, что алфавит французского языка предполагает иной порядок словника: и если, к примеру, упомянутый выше замечательный словарь-справочник «Достоевский: сочинения, письма, документы», подготовленный под редакцией Г.К. Щенникова и Б.Н. Тихомирова, открывается статьей о «Бедных людях», то французский словарь «Достоевский» начинается с «Подростка». Заметим, что уже в этой статье русского читателя ожидает весьма курьезный сюрприз: оказывается, что президент Франции Эммануэль Макрон «по памяти», как уточняет профессор Никё, процитировал формулу Достоевского из этого романа в ходе встречи с президентом Путиным в своей летней резиденции на Лазурном берегу: «Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец»⁵. Правда, можно уточнить, что и в устах Макрона, и в статье профессора Никё фраза эта представлена в усеченном виде, в силу чего акцент на некоей национальной исключительности, характерной даже для этого наиболее европейского среди персонажей Достоевского, остается в тени: «Один лишь русский...». Таким образом, читателю следует быть готовым не только к определенным несоответствиям распорядка слов в словнике французского словаря, но и к некоторым разночтениям, касающимся значения и смыслов самого текста Достоевского, представленного здесь в соответствии с иноязычной научной традицией.

Эти несоответствия более всего бросаются в глаза при знакомстве со статьями, посвященными историческим лицам из окружения Достоевского, и в первую очередь его возлюбленным, которые предстают в энциклопедии профессора Никё не столько музами писателя, сколько своего рода *fugia francese*, очагами особого чувственного неистовства, воспламеняющими воображение. В кругу статей, посвященных А.Г. Сниткиной, М.Д. Исаевой, А.П. Суловой, А.В. Корвин-Круковской, преобладает тенденция к подчеркиванию аффектации героинь, выливающаяся в отдельных пассажах в перевес воображаемого над действительным, гипотетического над реальным, литературного над историческим. Например, статья «Ковалевские» начинается с эпатажной мизансцены, источающей некий водевильный ореол, отличающий почти все женские портреты словаря Никё: «Софья Ковалевская, в будущем математик, и ее сестра Анна чуть было не вышли замуж за Достоевского. Вот вкратце их история» (с. 164). В собственно истории запутанных отношений двух сестер с автором «Скверного анекдота», представленной на двух с половиной страницах словаря, эпатажность быстро сходит на нет, уступая место скорее нейтральному повествованию, основанному на авторитетных автобиографических публикациях, биографических источниках и литературоведческих работах Л.П. Гроссмана, М. Кадо и Д. Франка. В финале статьи представлен сжатый ана-

5 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 377.

лиз повести С.В. Ковалевской «Нигилистка» (1892), переведенной на французский язык тем же Никё в 2004 г. Таким образом, если сравнить статью французского словаря, посвященную сестрам Корвин-Круковским, с соответствующими статьями известного биографического словаря С.В. Белова, то нетрудно будет убедиться, что в российском литературоведении портреты двух выдающихся подвижниц русской общественно-политической и культурной жизни выписаны в более академической, реалистической и, так сказать, прозаической манере⁶, тогда как из-под пера французского литературоведа выходит более драматичная, более патетическая зарисовка, в которой характеры реальных русских нигилисток неразличимо сливаются с образами литературных инфернальниц Достоевского: «Представляя “нигилистку”, лишенную мужеподобности, авантюренности французских коммунарок или русских бомбисток, хотя внутренний максимализм мог вывести ее на эти пути, Софья Ковалевская демистифицирует слово “нигилизм” и развенчивает уравнение “нигилизм” = “терроризм”» (с. 166). Подчеркнем: в словаре С.В. Белова в статье о С.В. Ковалевской повесть «Нигилистка» даже не упоминается, хотя в статье об А.В. Корвин-Круковской намечаются преломления образа слишком разборчивой возлюбленной Достоевского в поздних романах писателя. Не менее драматичной предстает в словаре профессора Никё история А.П. Сусловой; правда, принимая во внимание то обстоятельство, что опасные связи писателя с сумасбродной эмансипанткой с самого начала развивались под знаком скандального любовного треугольника, французский славист передоверяет этот рассказ более сведущим психобиографам писателя: вся статья соткана из цитат, заимствованных из работ А.С. Долинина, Д. Арбан, Р. Жирара. Так или иначе, но французский флер заметно усиливает инфернальное начало возлюбленных Достоевского, придавая им вид чужестранных «повелительниц сильного пола» в духе «Венеры в мехах» Захера-Мазоха.

Литературный перевод по самой своей природе также является формой очужествания самобытного текста. Профессор Никё, многоопытный переводчик, положивший немало трудов и дней на то, чтобы различные русские писатели заговорили на французском языке, сохраняя истинное звучание своего литературного голоса, начинает статью «Переводить Достоевского» (с. 285—286) с довольно обескураживающего для рядового читателя признания: «Читать Достоевского в первых переложениях (1880-х годов) и переводах Андре Марковича, пыгавшегося сохранить “сознательно неловкое и грубое” письмо Достоевского и его устное звучание, значит читать двух различных писателей». Однако далее этого признания автор словаря не идет, не вдаваясь в обсуждение ни трудов отдельных переводчиков, ни стратегий литературного перевода вообще. Он как будто приглашает заинтересованных читателей самостоятельно воссоздать умопомрачительную историю войны переводов, которая разгорается по мере вторжения любого чужестранного классического писателя в национальный литературный канон, но которая, однако, в случае с Достоевским во Франции приняла небывалый размах: существует более десятка французских переводов «Преступления и наказания». Но чей вариант одержал верх? Из статьи Никё можно подумать, что победа осталась за ультрамодернистским переводом Марковича, однако тот фрагмент переводческой программы Марковича, который приводится в словаре, заставляет усомниться в соответствии программы именитого французского переводчика тем сложностям, которые заключает в себе литературный язык Достоевского. Действи-

6 См.: Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. С. 388—389, 406—408.

тельно, Маркович утверждает, будто перевод есть не что иное, как интерпретация, переводчик — исполнитель партии оригинала: «Вполне объективного, образцового и всеохватного перевода вообще быть не может. Существует ли, скажем, объективное исполнение “Девятой симфонии” Бетховена? Конечно нет!»⁷. Конечно же да, — можно было бы ответить на это скоропалительное утверждение, имея в виду перевод, разумеется, а не исполнительское искусство, которое связано прежде всего с артистизмом, искусством, талантом. В противовес переводу как искусству, высокому или возвышающему, которое в современной российской науке о переводе справедливо связывается с «чуковщиной»⁸, необходимо утверждать перевод как отрасль филологии, как упражнение в верности: с одной стороны, букве оригинала, которая должна восприниматься в виде своего рода камня преткновения, подлежащего превращению в камень краеугольный, с другой — духу родного языка, который способен животворить только в том случае, если переводчик ставит перед собой задачу его очужестранить или, по бессмертному выражению П.А. Вяземского, «изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному»⁹. Вот почему, чтобы как-то уравновесить категоричное утверждение Марковича, профессор Никё приводит в статье о французских переводах Достоевского весомое суждение патриарха французской русистики Ж.-Л. Бакеса, согласно которому задача переводчика в отношении текста Достоевского заключается не в том, чтобы его осовременить (на что нацелен Маркович), а в том, чтобы, сосредоточившись на синтаксисе как своего рода кровеносной системе языка, воссоздать живую речь персонажей и рассказчиков, каковая при всем разнообразии индивидуальных стилей варьирующихся от текста к тексту, всегда обусловлена у Достоевского понятием «живой жизни».

Завершая отзыв на словарь «Достоевский», еще раз подчеркнем, что заинтересованный читатель, особенно не чуждый тех незримых баталий о букве и духе текстов Достоевского, которые ведутся в настоящее время в кругах научного сообщества России в связи с изданием нового полного собрания сочинений писателя¹⁰, сможет найти в этой книге немало пассажей, способных заставить его посмотреть на привычные вещи сквозь семантическую ауру французского языка и французского образа мысли¹¹.

7 Маркович А. Заметки французского переводчика Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 12. С. 259.

8 См.: Художественно-филологический перевод 1920—1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 75—80.

9 Вяземский П.А. От переводчика // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. С. 128.

10 См.: Баршт К.А. Край и середина аутентичности. Заметки о текстологии Ф. Достоевского // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 154—169.

11 Работа выполнена в рамках реализации проекта «Междисциплинарная рецепция творчества Ф.М. Достоевского во Франции 1968—2018 годов: филология, философия, психоанализ», поддержанного РФФИ, № 18-012-90011.